

Илья Муромец и Издолище

Шла калика перехожая
Из города из Киева.
Настрету ей, калике,
Старой козак Илья Муромец.
«Здравствуй, добрый молодец!» —
«Здравствуй, калика перехожая,
Откуль идёшь, откуль путь держишь?»
Говорит ему калика перехожая:
«Я иду из города из Киева,
От того от князя от Владимира». —
«Всё ли у вас в городе по-старому,
Всё ли у вас в городе по-прежнему?»
Отвечат калика перехожая:
«У нас в городе не по-старому,
У нас в городе не по-прежнему:
Завезалось Издолище поганое
Ко тому ко князю ко Владимиру во гриню во столовую.
Сидит он меж князём да меж кнегиною,
У кнегине держит руки да в пазухе,
Пониже пупа около цёрева,
А князь не смел ему слова вымолвить».
Говорит тогда старой козак Илья Муромец:
«Ох ты ой еси, калика перехожая,
Сменяемся мы с тобой платьем цветным».
(У калики како уже платье!)
Говорит калика перехожая:
«У меня платье каличие,
У тебя платье молодецкое,
Не меняю я с тобой».
Просит его козак во второй након.
На это калика опять не соглашаетца.
Стал просить его в третьей након.
Тут калика соглашалася.
И поменяли они платье, которо можно было.
Поехал старой в стольне Киев-град,

Не доеждает до города — слезавал с добра́ коня,
Спустил коня в чисто поле,
Сам пошел в стольне Киев-град.
По первости зашёл на царев кабак:
«Здравствуйте, чумаки-целовальники,
Опохмельте мя, калику, с пути-дорожецки!»
Говорят чумаки-целовальники:
«По разговору стоишь оправить тебя,
По платью не стоишь ни одного гроша».
Были тут голи кабацкие.
«Ох вы ой еси, голи кабацкие!
Уж вы сложьтесь по гривенке, —
Опохмельте калику с пути-дорожецки!»
На это были голи ухватливы да и догадливы,
Сложились они все по гривенке,
Купили зеленá вина́,
Чару в полтора́ ведра́,
Подали калике перехожей.
Брал он чару единой́ рукой,
Выпил он чару к едину́ духу,
Звеселило то́гда его ретиво́ сердце́,
Скиневал с себя чунный крест,
Который стоит ему петьсот рублей,
И говорит он голям кабацким:
«Ох вы ой еси, голи кабацкие!
Вы снесите мой крест,
Заложьте в лавку торговую,
Заложьте его в двухстах рублях».
На то голи были ухватчивы,
Потащили его крест в лавку торговую
И заложили его в двухстах рублях,
И притащили денежки и отдали калики перехожаей.
Пил он вина по надобью и голéй поил,
Напилса он дóпьяна,
И зашел на печку на муравленку,
И спал-храпел богатырским сном
Целы трое суток.
Стали его будить чумаки-целовальники,
Ото сну он то́гда пробуждаетця,

Соскакивал он на кирпичен пол,
Схватил чумака за черны́ кудри́,
При́знял он его выше буйной головы,
Спустил он его на кирпичат пол —
Тут чумаку смерть случилася.
«'Ну беду сделал, надо другу сделать —
Не буду я в городе виноватый».
Выходил он скоро вон на уличю,
Стоптал и сломал двери подвальных,
Стал выкатывать бочки сороковочки с зелены́м вином
На площадь на кабацькую.
Сказал голям кабацкиим:
«Пейте, голи, вина, сколько надобно, —
Не буду я в городе виноватый».
Побежали чумаки-человальники
Ко князю с желобью.
Говорят чумаки-целовальники:
«Ох ты ой еси, Владимир-князь!
Пришла к нам калика перехожая,
Пила она сколько надобно,
Убила чумака-человальника,
Выкатила бочки сороковочки
На площадь на кабацькую
И поила голи кабацкие».
А князь им слова не вымолвил.
Узнал князь: эта калика — не худа блоха.
Скричал он своих слуг верных:
«Запрегайте вы тройку лошадей
На царев кабак,
Зовите вы калику перехожую
Хлеба-соли кушать и переваров пить!»
На то слуги были догадливы,
Запрегли они лошадей и поехали на царев кабак,
Зовут они калику перехожую
Ко князю ко Владимиру.
Отвечает калика перехожая:
«Мне не надо ваших лошадей, да я пешком иду».
И приходит он ко князю ко Владимиру.
Заходит он во гриню во столовую,

Молитця он, на все стороны поклоняетце,
А князю со кнегиней во особицу,
А поганому Издолишшу челом не бьёт, головы не гнёт.
Попоносят ему на стол лебёдушку не кушанную, не рушенную,
На нож ее воткнул и в гортань пихнул,
С щоки на щоку лебёдку переваливал,
Нижней щокой косьё вываливал.
Говорит тогда калика переходящая:
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?
У попа была у отца собака, у Ростовского,
По сметьям она, собака, таскалася да костью подавилася».
Понесли ему коврижечку хлеба тоже не кушану и не рушану,
С щоки на щоку коврижечку переваливал,
Нижней щокой корки вываливал.
Говорит тогда калика таково слово:
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?
У попа у отца у Ростовского была коровища,
По сметьям шаталася да шалом подавилася».
Издолище сидит поглядывает да осержаетця.
Принесли ему, Издолищу, ушат воды,
Выпивал он этот ушат воды,
Говорит тогда калика таково слово:
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?
У отца у попа у Ростовского
Была кобыла водовозная,
Много она пила воды и захлебнулася,
То же будет и этому Издолищу».
Схватил он булатный нож, Издолище поганое,
Бросил в калику переходящую булатным ножом самым остриём,
На полёте нож калика подхватывал за самый черешок,
Говорить стал калика князю таково слово:
«Можно ли, князь, гриню твою кровавити?»
И положил нож в пухов колпак,
И свернул пухов колпак на три угла,
Бросил он в Издолище поганое,
И попал он в Издолище поганое —
И повалился Издолище на улицу со всем с простенком.
Выскакивал он на улицу, калика переходящая,
Онну ногу оторвал Издолищу и бросил воронам на съедение.

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.